

ГАСТРОЛИ В МОСКВЕ «ТЕАТРА ПОЛЬСКОГО»

ПЕСНЬ О МУЖЕСТВЕ

Редко испытываешь в театре такое глубокое и сильное волнение, как на спектакле «Юлиус и Этель» Леона Кручковского в постановке Государственного польского театра. С самого начала спектакля, когда перед глазами зрителя впервые открываются зеленовато-серые стены тюремной камеры, вплоть до заключительного полного силы и веры обращения Юлиуса и Этель к зрителям ни на минуту не ослабевает внимание зрительного зала, всецело захваченного этим строгим, умным и тонким спектаклем. И хотя он идет на незнакомом языке, ясность драматургического построения, точность режиссерской мысли и подлинная сосредоточенность актеров не позволяют разорвать нити, крепко связывающие зрителя со сценой.

Материалом для пьесы лауреата международной Сталинской премии «За укрепление мира между народами» Леона Кручковского послужил потрясший весь мир процесс супругов Розенберг в Америке. Автор признается, что он «должен был написать эту пьесу» — произведение, в котором с предельной правдивостью и честностью нарисованы образы этих благородных, душевно негнбимых людей, своей смертью бросивших тяжелое и несмываемое обвинение американскому строю жизни, людей, не пожелавших купить себе жизнь ценой предательства и лицемерия, ценой отказа «от личного достоинства, от борьбы за демократию и за свои моральные идеалы». Л. Кручковский написал пьесу поэтически и сильно, неопровержимо свидетельствующую не только о широте возможностей, но и о серьезных творческих завоеваниях современной польской драматургии.

И подобно тому, как Леон Кручковский считал своим внутренним долгом создание пьесы, точно так же и театр отнесся к ее постановке, как к своему внутреннему долгу, к своему моральному общественному обязательству.

Подобно драматургу театр нигде не прибегает к внешним эффектам и не впадает в мелодраматизм. Наполненный большой душевностью, спектакль держится на высоте настоящей трагедии, воплощенной со скупостью и силой большого искусства, — нет ничего лишнего ни в сценическом исполнении, ни в тщательно продуманной трактовке спектакля талантливым режиссером Александром Бардиня, ни в декорациях Отто Алсера — художника большого вкуса и верного чувства театра.

Холодом и безразличием к человеческой жизни веет от просторной тюремной камеры. И только глухой звук запертого засова да назойливый стук маятника, настойчиво напоминающий заключенным о приближении часа казни, нарушают медлительную тишину тюремных коридоров. Респектабельным удобством наполнен кабинет прокурора — с широким окном, массивным книжным шкафом, тяжелым письменным столом, раскидистыми, зовущими в покою и уюту креслами.

В этой обстановке протекает глухая и напряженная борьба между двумя простыми, незащитными, брошенными в тюрьму людьми и тяжким аппаратом капиталистической власти. Зритель присутствует при последнем дне жизни Юлиуса и Этель. На коротком отрезке времени в мимолетных беседах, в оброненных замечаниях возникает их прошлая жизнь — жизнь сотен тысяч простых, честных людей, — полная взаимной любви, доверия, труда, привязанности к детям. Исполнители центральных ролей артисты Тадеуш Бондрат и Галина Миколайская несут в себе всю полноту этой прошлой жизни; нет ничего мелко красивенького в их образах, полных мудрой человечности и простоты. Они умеют тонко, умно, без какого-

либо подчеркивания показать взаимную ценность этих людей друг для друга, значение детей в их жизни, их любовь к жизни, и след тяжкого пребывания в тюрьме, и отпор самым утонченным средствам воздействия на их психику.

Вся милая, немного согбенная фигура Этель — Галины Миколайской — с недоумевающими порою глазами, с нервными, трепетными пальцами, с просыпающимися порывами вырваться из стен камеры, с минутами нежной тоски по детям и мучительного недоумения перед непроницаемой жестокостью следственного и судебного аппарата, с нарастающим гневом и протестом — полна целомудренной женственности.

Рядом с ней Юлиус — Тадеуш Бондрат — высокий и немного нескладный, строгий, ушедший в себя, чтобы не расплескать своих чувств в последние тяжкие минуты, просветленный после свидания с детьми, торжественно и нежно диктующий своей жене письмо детям, — обнаруживает высокое искусство поднять до трагического обобщения простой жизненный образ.

За видимой внешней беззащитностью Этель и Юлиуса вырастает огромная внутренняя сила, и не чувство жалости, а гордость за человека вызывает в зрителе их судьба.

Нет ничего подчеркнутого и в образах противоположного лагеря. Театр рисует прокурора, судью, начальника тюрьмы даже внешне приятными, предупредительными, вежливыми людьми с изысканными манерами, с соблюдением всех правил хорошего тона. И лишь порою, при явной неудаче воздействия на узников, при их возрастающем упорстве, вспыхивает грубый окрик, закипают откровенной ненавистью глаза, отрывисто и злобно летят категорические приказы.

Блестяще играет Александр Жабинский роль прокурора. Точно так же, как в образах Юлиуса и Этель видна их прежняя трудовая жизнь, так и в его легкой элегантности, в быстром циничном разговоре с любовницей видно прошлое этого человека, расчетливо добивающегося карьеры, зло и коварно ставящего капканы Розенбергам, инквизиторски жестокого в своих действиях. Несмотря на внешнюю и легкая небрежную уверенность, он поглощен решением неразрешимой задачи — победить Розенбергов. Сознание своего бессилия сверлит мозг, раздражает и мучит этого любящего роскошную жизнь дельца, натолкнувшегося на непревзойденное сопротивление и неизбежно идущего к внутреннему крушению.

Весь ансамбль спектакля заслуживает высокой похвалы. Объединенные общим пониманием пьесы и единым стилем игры, в равной мере убедительны Густав Бушинский (судья), Станислав Желенский (адвокат Блох), Юзеф Малишевский (начальник тюрьмы), наглядательница (Леопольдина Панцевич-Лещинская), Джесса (Баролина Лубенская), Дэви Гринглас (Тадеуш Сурова) вплоть до трогательной фигуры молодого монтера (Ян Братковский), передающего осужденным в последний момент записку со словами дружбы.

Спектакль развивается с неотразимо художественной убедительностью. И поэтому, когда в прозрачном свете прожектора, отбрасывающем в сумрак служителей правосудия, при тихих звуках отдаленной музыки стоят, тесно прижавшись друг к другу, Этель и Юлиус, их обращенный к зрителю призыв — черпать силы из их смерти, брать из нее «веру в человека, в его честность, в его силу и гордость» ясно и точно вытекает из всего содержания спектакля, в котором так счастье и неразрывно слились таланты автора, режиссера и актеров.

П. МАРКОВ.

Заслуженный деятель искусств РСФСР.